

Наталья Тимофеева

ЩЕМЯЩЕЙ КРАСОТЫ
ПОСЛЕДНЯЯ ПЕЧАЛЬ

СТИХИ

Наталья Тимофеева

Щемящей красоты последняя печаль

«Издательские решения»

Тимофеева Н. В.

Щемящей красоты последняя печаль / Н. В. Тимофеева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-04-002380-6

В этой книге собраны стихи Н. Тимофеевой перестроечного периода, когда автору приходилось нелегко, как и многим другим. Горькое и ненадёжное время не сломало поэта, с честью выдержавшего испытания, выпавшие на её долю. В книге есть как пейзажная и гражданская лирика, так и юмористические стихи и произведения, ставшие впоследствии песнями и романсами.

ISBN 978-5-04-002380-6

© Тимофеева Н. В.
© Издательские решения

Содержание

Осеннее	6
Под божницей	7
Беспечальное	8
Солистка	9
«Я ещё хочу заката...»	10
«Мне кажется, глаза мои глядят...»	11
«Несерьезной, весёлою россыпью...»	12
Пасхальное из детства	13
«Ах, моя Россия, что с тобою...»	16
«Гаснет день в моём окошке...»	17
О любви	18
«Вызревают стихи, как смородина...»	19
Город Дмитров	20
«На волне великой перестройки...»	21
«Как картечь, рассыпана роса...»	23
«Пичужья наша жизнь...»	24
Золушка	25
«Два головастика, две запятые...»	26
Цивилизация	27
Подмастерье	28
Осенний костёр	29
«Мчит по воздуху снежная пляска...»	30
Хорал	31
К поэтам	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Щемящей красоты последняя печаль

СТИХИ

Наталья Владимировна Тимофеева

© Наталья Владимировна Тимофеева, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

НАСТОЯЩАЯ ПОЭЗИЯ, а НЕ УМИЛИТЕЛЬНОЕ ДАМСКОЕ РУКОДЕЛИЕ – вот что я почувствовал, когда почти случайно на сайте «Стихи.ру» наткнулся на удивительно крепкие и умело написанные стихи некой «Мамаши Дорсет», оказавшейся милой, впечатляющей своей эрудицией женщиной, Натальей Тимофеевой. Я сразу ощутил в ней незаурядный дар, продолжающий традиции стихосложения женщин-поэтов Серебряного века. И, если сравнивать её творения со стихами мужчин-поэтов, не обременённых женской «домашней каторгой», то ясно просматриваются в её произведениях традиции социально-гражданской лирики Н. Некрасова, сатирических стихов Саши Чёрного и замечательных пародий Архангельского.

Я разглядел и её языковое богатство, и литературную эрудицию, и умение строить сюжет, выбирая ритмический рисунок, и своеобразие рифм, и способность завораживать порой своим сатирическим напором и темпераментом, сопровождающихся ещё и необыкновенным её талантом фото-художника, умеющего проиллюстрировать свои лирические зарисовки при помощи не менее замечательных фото-этюдов.

Просто диву даёшься, когда она всё это успевает делать.

Доброго пути тебе в жизни и в поэзии, дорогая труженица и русский талантливый Поэт – Наталья Тимофеева!

Д-р богословия, профессор Канадского университета, русский писатель в изгнании, актёр и режиссёр Леонид Водолазов, автор 30 книг, 20 пьес и нескольких фильмов.

Осеннее

Щемящей красоты последняя печаль,
Осеннего листа узор жёлто-багряный,
Набрякших облаков недвижимая даль
И воздуха настой прозрачный и духмяный.
Торжественный ковёр из моха и листвы,
Несказанный узор, лежащий под ноги,
Где царственно блестит, сияет из травы
Весёлый мухомор в глухом сосновом лого.
Стоят богатыри, воздев канву ветвей,
И смотрят с высоты на лиственную поросль...
У времени в плену растянута тень
И увядания задумчивая повесть.

Под божницей

Под портретами предков – игольница.
Образа – в правом красном углу.
Деревенская милая горница,
Брёвна стен источают смолу.
Независимо тикают ходики,
С медной гирькой день тянется вниз.
Движут стрелки осенние хроники,
Дождик бьётся в железный карниз.
Носим лыковый короб на ляпочке,
Челноками снуём в Козляки.
Смотрят строгие предки из рамочки
На намокшие наши портки.
Печи пышут, нагревшись, мартенами,
Запотела дубовая дверь...
Так спокойно меж этими стенами
Без Москвы и душевных потерь.
За здоровье, любовь и касание
Наших душ в этом мире пустом
Выпьем, милый мой друг, расстояние
Сократив в интерьере простом.
По сто граммов – в гранёные рюмочки
Под грибы и картошку с огня...
В чёрных валенках, вязаной юбочке
И хмельную ты любишь меня?
Как же счастлива и благодарна я
За любовь, щедрый мой человек.
Без тебя я такая бездарная,
И бессмысленен времени бег!

Беспечальное

Ни с тоской, ни с болью, ни с печалью, —
Вспоминаю жизнь свою легко,
В лодочке по времени отчалив
Вдаль, к истоку, где не глубоко.
Там ещё не так казалось больно
И не зналось подолгу обид,
Там любить и не любить невольно
Доводилось. Сердце не таит
Зла, – зачем сводить мне с кем-то счёты,
Если Богом уж отмерен срок,
Ведь другой, духовною работой
Он меня, счастливицу, обрѣк.
Принесу Ему своих томлений
Выплаканный, вызревший итог
И оставлю суету сомнений
Тем, кто лишь гордыней занемог
И благополучием ничтожным, —
Видимыми блѣстками судьбы,
Чем болеть приятно и несложно
Без постылой внутренней борьбы.

Солистка

Меня везут на саночках,
Я – юный музыкант
С калошами на валенках,
Со скрипкою. Талант.
Примотана я накрепко
Бабулькиным платком,
Ручонки в чёрных варежках,
И голова клубком.
Ушанка щёки вздыбила,
И иней вокруг лица,
У деда ветром выбило
Слезу. А у крыльца
Оркестр наш ждёт с автобусом,
Потом – Колонный зал...
Москва – картонным глобусом,
Мой городишко мал.
Учительница сдёрнула
За сценою штаны, —
Они с начёсом, чёрные,
Вот, валенки видны...
Мне страшно под колоннами...
Оркестр поклон отдал,
И солнечными волнами
Вивальди зазвучал.
Моя запела скрипочка,
Забыла я про страх...
«Малютка просто цыпочка!
А как играла, ах!»
Аплодисменты, возгласы,
Стоящий зал и свет...
И растрепались волосы
В косичках, и букет...
А дома печь с лежанками,
Да бабушкины щи,
И «музыкалка» с санками
Наутро. Не взыщи!

«Я ещё хочу заката...»

Я ещё хочу заката
Над остуженной рекой!
Осень, красная заплата,
Ты ли шутишь надо мной?
Где, скажи, твоя небрежность,
Где кружение листвы,
Где волнующая нежность
Увядающей травы?
Где летящих паутинок
Неожиданная грусть,
Где затерянных тропинок
Недоверчивость? И пусть
Мне зима стучать не смеет
Белым пальчиком в окно,
Пока ветер не развеет
Ярких красок полотно.
Так нельзя: без подготовки
По живому – ледяным
Белым холодом грунтовки!
Потянулся сизый дым
Над твоей лесной опушкой,
Ты стряхни его, не стой,
Обнажи свою макушку
В лёгкой шляпке охряной.
Пусть тебя обнимет ветер,
В вихре вальса закружит,
На пустеющем мольберте
Пусть ещё поворожит!

«Мне кажется, глаза мои глядят...»

Мне кажется, глаза мои глядят
Куда-то в неземную высоту,
Где времени песчинки шелестят,
Искрясь на млечном стареньком мосту.
Там колокольцы смеха юных звёзд
Мою чудную душу тербят,
И я, ступив на звёздный этот мост,
Уже не жажду повернуть назад,
Туда, где смога купол над Москвой
Луне в ночи растягивает рот,
И яростной неоновой канвой
Пустопорожне улица течёт.

«Несерьезной, весёлою россыпью...»

Несерьезной, весёлою россыпью
Прозвенел надо мной соловей.
С белоствольной чернёною проседью
Нас с берёзами принял ручей,
Покачал на поверхности с радостью,
Отраженьем играя в волне,
Поделилась я с ними усталостью,
Возвратили сияние мне.
И наполнилось сердце надеждою,
Что ещё не испиты до дна,
Что ещё не охвачены веждами
Этой жизни судьба и весна,
Что ещё наколдует неистово
Небосвод в голубых хрусталях
Непомерные властные истины,
Что на млечных разлиты путях.
Что ещё будут годы и странствия,
И огонь, и зовущая медь...
Только как бы вот в этом пространстве мне
Ощутить их, признать их суметь....

Пасхальное из детства

...Чай в старинном подстаканнике
Из гранёного стакана,
Каплет кипяток из краника
Самовара. Смотрят пьяно
Осовевшие бездельники,
Вкруг стола усевшись чинно,
Горкой белою вареники
Из горшка парят картинно.
Замерла, сыта застолица,
Самогон допит до донышка,
И бормочет, будто молится,
Бабка – старенькая золушка.

Темы все переговорены,
Ругань кончилась под рыбку,
Окна, двери, всё отворено...
Вот теперь пора бы скрипку!
Самоделку – табуреточку
Ставит бабка под окошком:
«Ну, давай, порадуй деточка,
Поиграй нам хоть немножко!»
И запела «Перепёлочку»
Скрипка, тоненько вибрируя...
Просит дед: «Налейте стопочку!»
Бабка: «Громче, моя милая!»

Укатился день под горочку,
Гости пьяны и довольны.
Доедает Шарик косточки
В логове своём подпольном,
А малышка спит со скрипочкой
На терраске на диване,
Под ногами коврик ниточный,
Горсть конфет в её кармане.
С утрава – поход на кладбище
С куличом, с питьём неистовым,
Под восторг, Христа славящий,
С крошевом яиц немислимым...

Бабка прыгает с посудой,
Убирает за гостями,
Огурцы относит грудой,
Сыплет семечки горстями.
Дед храпит весьма уверенно,
Пасха – это так чудесно,

Всё цветёт, свежо и зелено,
Подгуляли – всем известно.
Ну, когда ещё попраздновать,
Да собрать родню любезную?
С пьянкой весть благую связывать —
Логика почти железная!

«В грязь нисколько не ударено,
Все довольные остались,
Холодца и щей наварено,
И вареники удались.
Самогонка словно слёзонька,
Ажно, где такую пили?
Там, на кладбище берёзонька,
Вот, покойных навестили...
У Аксиньи сын бессовестный,
Ольга пьёт всю извозчиком...»
Бабка причитает горестно,
Вытирая слёзы кончиком

Старого платочка белого,
Керосинку протирает,
«Я на пять минут присела бы,
Да помощниц не хватает.
Поднимайся, детка, я тебя
Уложу, моя кровинка.
Уморилась, знамо, затемно
Встала... дай поглажу спинку...
Спи, твоя уснула скрипочка,
Ах, ты, жалкий мой дитёночек.
Спи, пойду запру калиточку,
Да насыплю курам корочек...

Сам Христос воскрес, милая,
Он теперича меж нами,
И тебя своею силою
Он укроет. За горами,
За долами жил он в городе,
Был учителем чудесным,
Кто и в голоде и в холоде
Слит с дыханием небесным.
Не гордился и не чванился,
Был велик в своей огромности,
Он о людях так печалился!
Да они лишились скромности...

Завтра утром разговеемся,
И зажжём с тобою свечку,
Чаем с куличом согреемся,

Да протопим малость печку...
Дед напился, дураком дурак,
Ах ты, горькая судьбина!
Раздери его совсем растак,
Плачет дедова горбина...
Ладно, завтра поквитаемся,
Спи, любезная голубочка!
Все мы бабы так-то маемся...
Измаралась твоя юбочка...»

«Ах, моя Россия, что с тобою...»

Ах, моя Россия, что с тобою
И за что не любишь ты детей?
Столько неба, шири и покоя,
Столько потрясающих идей...
Всё тебе во славу и во здравье,
За тебя – и голову и грудь,
За твоё великое державье
Нам ни охнуть только, ни вздохнуть!
Так за что же ты нас жмёшь и топчешь,
И шлифуешь нами столько плах?
Только перед швалью ты не ропщешь,
Ты – рояль, оставленный в кустах.
Ты, Россия, петь привыкла хором,
Всем твоим солистам рвут язык
Оттого, что несусветным вздором
Ты считаешь одинокий крик.
Ладаном твой дух плывёт печальный,
Отпеваньем – гимна старый звук...
Ты сравнима с площадью вокзальной,
А народ твой – инвалид без рук.
А твои палатные медбратья,
Отожравши морды и тела,
Носят только «фирменные» платья
И вершат «великие» дела...

«Гаснет день в моём окошке...»

Гаснет день в моём окошке,
Тлеет за рекой закат...
Словно ягода – морошка,
Солнца плазменный снаряд
Между двух столбов высотных
Канул в ночь, за горизонт,
Отзвучал тысяченотно
Город, сбросив смога зонт.
Тучи серо-голубое
Растрепалось полотно,
И покрылось сизой мглой
Неба гнущее стекло...

О любви

Кто думает, что знает о любви
То, что, возможно, многим и не снилось,
Как это чувство он ни назови,
Оно не всякой свойственно крови,
Ведь в мире так немного изменилось.
И те, кто принимают за любовь
Лишь половую возрастную тягу,
В «победах» упиваясь вновь и вновь, —
Те насыщают пустотою кровь
Под чувственную глупую отвагу
И разоряют души и тела,
Кичась своим зазорным пустоцветьем,
Ведь старость потому и «не смогла»,
Что молодость бездумно увела
Всю свежесть чувств в обычное бесцветье.

«Вызревают стихи, как смородина...»

Вызревают стихи, как смородина,
Как рябина краснеют зарёй...
Ты, моя ненаглядная Родина,
Ты, пожалуйста, стань мне сестрой,
Если ты не бывала мне матерью,
И в печали меня не покинь!
Но за дверь меня выгнала затемно
В набежавшую синюю стынь:
«Ни сестрой, ни подругой, ни бражником
Я не буду тебе никогда!
Мать я дядьке с набитым бумажником
И ему же – сестра и звезда!
Ну а ты – бесполезное марево,
И тобой не прикрыть наготы,
Пей сама стихотворное варево
Из мечты и своей нищеты!
Уповай же на счастье загробное,
Ведь таланты от Бога даны,
Вы поэты – добро неудобное
Для великой продажной страны.
А стихи ваши, может, и праведны,
И кого-то приводят в экстаз,
Но кому станет истинно завидно,
Ведь без слез не посмотришь на вас?!
Вы открыты невзгодам и бережно
Не смогли относиться к себе.
Неумело, нелепо, безденежно
Вы в своей разбирались судьбе.
Неудачные дети у матери, —
Только знаете – вирши писать!
Не для вас эти вышиты скатерти,
Не для вас пуховая кровать,
Не для вас мои речи прилежные
И наследство золотое мое,
А для вас эти дали безбрежные,
Где над полем кружит воронье!»

Город Дмитров

Древний вал – стеною снега,
Школа – в валике стены,
И от лыжного забега
Смех и возгласы слышны.
Купол храма – снежной шапкой,
Крик испуганных ворон,
Да флагшток с намокшей тряпкой
Выше всех прозрачных крон
Чёрных лип, стоящих тесно,
В круге старого Кремля...
Мне до впадинки известна
Та далёкая земля.
На своем портфеле с вала
Я съезжала с ребятней...
А теперь вот бабкой стала
И опять хочу домой.
Но стеною стало время,
Толщей выросло глухой.
Как моё седеет темя,
Молодеет город мой:
Там повсюду строек будни,
В небо тянутся леса,
Умещается в этюдник
Уходящая краса.
Хромоногий основатель
На бедре несёт палаш
(Видно каверзный ваятель
Так вошел в скульптурный раж,
Что одну у князя ножку
До земли не дотянул).
Встал он боком на дорожку
Задом к церкви, да заснул...
Тесно, суетно и... пусто,
Машет веткой старый мим —
Ветер, мчащийся безустанно
По-над городом моим.

«На волне великой перестройки...»

На волне великой перестройки
Можно было просто въехать в рай,
Как Емеля на печи, на койке —
В замок, забыв про свой сарай.
Кто не ел вкусней моркови фрукта,
Стал о судьбах мира говорить,
Отслюнив себе в карман продукта
«Валового», деньги начал «мыть».
Раскраснелись галстуки и лица,
Заалели вмиг лапсердаки,
И пошла вразнос моя столица,
Застучали пули и бойки.
За пятнадцать лет воды немало
Вместе с криминалом утекло,
Только чище и теперь не стало,
Мутно жизни плоское стекло.
Выборы, пиар и подтасовки,
Ломятся бандиты в жожаки,
Но теперь на модные тусовки
Носят поприличней пиджаки.
Им вживляют волосы и брюхи
Обжимают, ладят маникюр,
Поменяло внешность и кликухи
Много «политических фигур».
Важные до собственной отрыжки,
Выучили модные слова,
Пишут о себе, родимых, книжки,
Что ни пень, то видный голова.
В клумбы и в дороги, и ... да что там,
Мало ли куда употребить
Можно тонны денег, а работа,
Про работу следует забыть:
Ведь она не волк, к тому же, люди
На Руси доверчиво-просты,
И греха особого не будет,
Если не достроятся мосты,
Если в хлябях где-нибудь утонут
Сёла, а, быть может, города...
Пусть людишки не кричат, не стонут,
Ведь Шойгу отправится туда!
Он красив и статен, и напрасно
Никогда не станет унывать.
Как же это всё-таки прекрасно —
От стихии бабушек спасать!
Так что всё пока у нас отлично,

Лишь зима бывает невпопад.
В Думе стало тихо и прилично,
Каждый сыт и весел, и богат.
Заполняйте смело бюллетени,
Вас ведь тоже где-нибудь «спасут»,
Если от душевной вашей лени
«Крыши», как фонтаны, потекут!

«Как картечь, рассыпана роса...»

Как картечь, рассыпана роса
Тёмная, свинцовая, – по каплям...
Дым колышется, как на весах,
Сыворотка с марли мерно каплет...
Наверху в открытое окно
День вползает молоком першащим,
Солнце погружается на дно
Между будущим и настоящим.
Гари утомительная хмарь...
От жары уснули даже мухи
И воды озёрной киноварь.
И колодцы вычерпаны. Сухи.

«Пичужья наша жизнь...»

Пичужья наша жизнь
В замусоренных клетках,
Тяжёлая вода,
Бессмысленный итог...
Давай, народ, держись,
Не всем же петь на ветках,
И горе – не беда,
И с нами рядом Бог.

Века уходят в даль
Седые и не очень,
И всё в них, как всегда,
Сомнений просто нет...
К чему твоя печаль,
Открой пошире очи, —
В них таяние льда
И этот ясный свет.

А я бегу туда,
Где есть покой и воля,
Где есть в ручье вода
И в русской печке – хлеб,
И яблоки в садах...
Но как сбежать от боли,
Что мучает меня
По милости судеб!

Пичужья наша жизнь
В замусоренных клетках,
Тяжёлая вода,
Бессмысленный итог...
Давай, народ, держись,
Не всем же петь на ветках,
И горе – не беда,
Коль с нами рядом Бог.

Золушка

Кукушка – Жизнь кукует мне года
Над тёмным лесом из моих желаний,
Его поит забвения вода,
Текущая в ручье воспоминаний.
Живёт в лесу волшебница – Любовь,
А на опушке тыквой преет Вера,
Надежда – мышь конём предстанет вновь,
Коль зёрен смысла подоспеет мера.
Найдёт ли принц хрустальный башмачок,
Ведь он – Судьба, куда ему деваться?!
И хоть мой принц – завзятый дурачок,
Да грех над ним, убогоньким, смеяться.
И вот стою в тени густых ветвей,
А ветер рвёт на мне обрывки платья...
И куковать кукушечке моей,
Пока придёт настойчивая Сватья
И уведёт в хоромы сироту,
Откуда нет, не будет больше ходу...
И, где забуду я про суету,
И про свою сиротскую природу...

«Два головастика, две запятые...»

Два головастика, две запятые,
Два смысла неразлучных – Инь и Янь,
Как звуки, соком жизни налитые,
Как вещей снов загадки не простые,
Как переход из ночи – в утра рань.

И мы с тобой – две точки во вселенной,
Две капли мёда – донник и полынь...
Из оболочки вырастаем тленной,
Друг другу служим болью неизменной,
Но раздели нас, – души наши вынь.

Цивилизация

Уйдя в цивилизации поток
Безликий, ненадёжно-электронный,
Где небо – это белый потолок,
А индивид – лишь зомби полусонный,
Ты растворишься в надобности тем
И в имидже, придуманных нарочно
Для тех, кто знает только «пью и ем,
А, стало быть, живу!» Но как непрочна
В цивилизации такая жизнь,
Где в навыках – сплошное потребление,
Где электронной стала даже мысль,
И в деньгах все благие устремленья
Находят свой бессмысленный итог,
Как послесловие. Восторгом йети
Над белым унитазом занемог
Тот, кто себя не смог найти на свете.
У власти – «бренды» тех далёких лет,
Где не было ещё у нас джакузи.
Им так легко на всё найти ответ,
А люд за деньги проползёт на пузе!
Что восклицать? Так трудно втолковать
Всё это тем, чьи чувства – рудименты,
Нигде не взять, у предков не сыскать,
Ушедших в прошлое, духовной ренты.
Амбициозно прыгая за руль
Блестящей и престижной железяки,
Похожим станешь вскорости на куль
С говном бездомной бешеной собаки.
И в высоте затерянных квартир,
Среди экранов, кнопок и посуды,
Где жизни средоточие – сортир,
Забудь легко единственное чудо:
Земную жизнь, прекрасную до слёз,
И связанную с высшим из достоинств —
Быть человеком!

Подмастерье

У природы живу в подмастерьях
С невеликим запасом из слов.
Словно птица в пестрядинных перьях,
Я нашла здесь отеческий кров.
В каждом шорохе, в каждом качанье
И изгибе высоких ветвей
Бьёт родник твоего обаянья, —
Милой русской природы моей.
Я учусь у тебя пониманью
И прощенью людской слепоты,
Молчаливую кротость страданья
Ты возвысила до красоты.
И, вращая в твою сердцевину,
Наполняясь твоей широтой,
Знаю я, что без Родины сгину,
Потерявши навеки покой,
Знаю я, не найти мне привета
Ни в морях, ни в горах, ни в песках.
Пусть картинно и красочно где-то,
Но ведь я из земли этой прах, —
Из неё мы пришли и уходим
В эту светом залитую жаль,
И не все, только избранный годен
Уместить в своём сердце печаль,
Что не зря нареклась русским духом
От неистовой силы любви,
И земля станет истинно пухом
Тем, кто нёс её силу в крови.

Осенний костёр

Девницей стыдливою рябина
Раскраснелась, стоя на ветру.
Вновь полна грибов моя корзина.
Я иду к осеннему костру,
Где горят осинки – хлопотуньи
Радостным сияющим огнём,
И синицы, милые певуньи
Тут и там щебечут этим днём.
Не пылит песчаная дорога,
И полна листвою колея...
Поброжу-ка я ещё немного
В хладном полыхании огня,
Успокою душу от терзаний
От тревог и вечных передраг,
В хороводе бережных касаний
Умеряя ненарочно шаг.
И, своею ношею довольна,
К дому подойду, помолодев,
И забуду это слово – «больно»,
От осенней сказки захмелев.
Бабье лето, ах ты, бабье лето!
Ты не долго, грустно и тепло...
Мне довольно солнечного света
Чтобы сердце счастьем расцвело.

«Мчит по воздуху снежная пляска...»

Мчит по воздуху снежная пляска,
Тёрн душистый почти занесло.
Восковой фиолетовой пясткой
Он стучится поутру в стекло.

Белый пчельник роится, роится,
Торопясь долететь до земли,
И кричат за окошком синицы
В этой зябкой, бесшумной пыли,

Укрывающей сизые дали,
Самобранкой ложась на поля...
И в бездумной и хладной печали
Пробудилась деревня моя.

Звякнул ворот замёрзшею цепью,
Хрусталём зазвенела вода,
Треснул лёд ненадёжною крепью,
И осыпали снег провода.

Задымили уверенно трубы,
Закудахтали куры, и день
Покатился неспешно. Мне любы
Неторопкая зимняя лень,

Постепенность, раздумчивость, алость,
Снегириная алость зари...
Нега зимняя, – это усталость
Натрудившейся за год земли.

Хорал

Над обрывом ходят облака,
А внизу клубится сизый дым,
Там, где стынет тёмная река
Под высоким берегом своим.

Ветви леденеют в брызгах вод,
В драгоценный рядятся хрусталь.
Сеет снег набрякший небосвод,
Застит пеленою близь и даль.

На горе высоко купола
Поднимают золото крестов,
И звонят, звонят колокола,
И летит, летит немолчный зов.

Ты не сбейся, путник, в белизне,
В бесконечной пажити зимы,
В этом хладном чёрно-белом сне,
Где плутаем до весны все мы...

Ты найди свой потаённый путь
В заповеданный родной покой,
Где зиме лампы не задуть,
Хоть метель кружится над рекой.

К поэтам

Один мой голос очень мало значит,
Но, если бы поэты всей земли
Услышали, как твердь над нами плачет,
То вместе мы бы многое смогли.

От жалости к себе не стоит бредить,
Нас матери рождали не за тем,
Чтоб счастье только личное изведать,
Ни разу не решив ничьих проблем.

И, если кто-то мучается рядом,
Должны ли мы стыдливо прятать взгляд
Или за помощь ждать себе награды,
Когда в тревоге сердце бьёт в набат?

Чужое горе – это наше горе,
Чужих детей на свете просто нет.
В многоголосом человеческом хоре
Ты – запевала непростой, поэт!

Не надо правды, бедности бояться,
Не надо с властной принимать руки
Отличия, тогда, быть может статья,
Не будет в мире горя и тоски.

Ты подними свой голос, пусть услышат
Те, кто державной силой облечён,
Как хрипло наш народ несчастный дышит
И как нищает с каждым годом он!

Как всё ничтожно, как слова их пусты,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.